

Только цензура помешала превратить Штирлица в Винни-Пуха

Who is who

Такие переодеваются к гостям, тщательно бреются, бродят по дому в сдержанном ожидании и скрипят по паркету кожаными туфлями. От выпитого у них только розовеют щеки и крепчает кураж. Для "таких" возраст не имеет значения — они как хороший коньяк: чем больше выдержка, тем быстрее забирают. Понравившуюся женщину берут приступом — обстоятельства ее жизни значения не имеют. Вот и Ежов, наслышанный о Наталье, сначала увидел ее на страницах журнала мод. Она была серьезной барышней: работала на вычислительной машине в крупном институте, состояла в браке и была моложе на 23 года. Пригласил в ресторан и в первый же вечер предложил выйти за него. Женщина, понятное дело, поставила его на место: да кто такой, чтоб ради него все бросить?! Ну как же, резонно возражали ей, Ежов — это имя. Ну вот кто из наших есть в "Who is who"? А он — есть! В те годы из-за "железного занавеса" нас на Западе действительно почти не знали, и советских, кто попал на страницы известного справочника персоналий, можно было буквально пересчитать по пальцам... Не может быть, сказала она. А если?.. Ее как бы втягивали в игру — ведь не всегда возможно мотивировать свои поступки. Оказалось, действительно есть. Какой хороший повод отшучиваться потом всю жизнь: что, мол, поделаешь — поспорили!..

А может, полковник?

Виктория Токарева как-то в интервью обмолвилась, что идею "Джентльменов удачи" им с Данией подарил Ежов. Когда я рассказала Валентину Ивановичу об этом признании Токаревой, он, похоже, остался доволен. Сказал, что они вместе с Данией это задумали, и он предполагал, что и снимать будет сам Даниеля, а оказалось — Александр Серый. Ну, Ежов и скис. А все могло быть даже прикольным: герой — не директор детского сада, а офицер милиции, которого должны внедрить к уголовникам, и поэтому он идет на пластическую операцию. Входит в клинику "истинный ариец" Вячеслав Тихонов, а оттуда появляется... Евгений Леонов (?!). Но идею зарубили чиновники. "Мы с Данией "33" делали. Не так давно Евгений Габрилович удивлялся, как это тогда-а дали снять такую картину... А был такой крупный чиновник партийный в Ленинграде, Толстиков, — так он категорично высказался: "Пока я на этом месте, "33" Феллини в колбы революции не пойдет!" Нам это сравнение было очень лестно".

Валентин Иванович всю жизнь фонтанирует сюжетами. "А сколько Валиных баек превратилось в чужие сценарии!" — восхищается ежовской щедростью общий знакомый. Сам Ежов простодушен: — Хоть бы кто спасибо сказал или бутылку поставил... Частенько в компаниях я рассказывал анекдот, которому сам был свидетелем. Был у нас капитан Сергей Угаров — веселый парень, пел в самодеятельности. Красавец! И этот Сережа ходил к очаровательной блондинке, жене полковника, командира части. Он ей понравился, а ему понравилось, что он понравился. Командир жил в отдельном домике, от которого шли такие дорожки с гравием, скрипучие. И вот они там вместе, и в самый ответственный момент — вжик-вжик, шаги по гравию. Угаров вскакивает, в угаре надевает гимнастерку и бежит в свою роту, в барак. Через некоторое время крик дежурного: "Капитана Угарова — к командиру части!" Он рубит строевым, открывает дверь, докладывает: "По вашему приказанию капитан Угаров прибыл!" Тот смотрит на него и говорит: "Капитан? А, может, полковник?.." Угаров в спешке надевает полковничью гимнастерку со шпалами — у него-то, у капитана, звезды должны быть!.. Как-то позвонил друг, фронтовик: тут, говорит, твою историю использовали... Ну и бог с ней! Да

Единицу измерения кинематографической состоятельности, если таковая понадобится, следует назвать просто: 1 Еж. Но это будет крупная такая единица, а в ход пойдут ее производные — милли- и микроЕжи. Потому что сценарист Валентин Ежов — настоящий знак качества отечественной кинодраматургии. Нет у нас другого такого имени, с которым связано столько удач. 120 международных премий! Среди них — столь престижные, как Гран-при двух Каннских фестивалей, и целых восемь "Ариэлей" — южноамериканских "Оскаров". Сценарии фильмов "Баллада о солдате", "Дворянское гнездо", "33", "Крылья", "Это сладкое слово — свобода!", "Белое солнце пустыни", "Сибиряда", "Мой лучший друг генерал Василий, сын Иосифа" — это все Валентин Иванович. Женщины у Ежова все очаровательные, мужчины — симпатяги. Но может и припечатать: "Говно-о-о!.." В свои 82 он очень даже умеет "развеселить девушку", рядом с ним не то что тепло — горячо! И перчено! И голова кружится, как от шампанского...

БАЛЛАДА

О ЕЖОВЕ

у меня этих историй — тыща. Кстати, о тысяче. Я в молодости, будучи страстным поклонником Омара Хайяма, решил написать 1000 четверостиший о любви. Написал штук 30. К примеру: "Говорят, любовь светла. Любовь темна. Любовь чистая. Любовь грязная. Неправда. Любовь — одна. Люди — разные".

Извините за компанию!

— Сначала к "Балладе о солдате" в советских инстанциях отнеслись холодно. Михайлов, министр культуры, так и сказал: "Любите вы солдат убивать... Да и тема мелкая. Пусть лучше в тыл едет генерал, зайдет там к секретарю обкома, на военный завод...". Тогда же фильму были исключительно генеральские и даже маршальские: Ставка, совет, колдуют над картой... А солдаты — так, реквизит, массовка... На "Фестивале фестивалей" в Сан-Франциско мы с Чураем взяли за картину премии во всех номинациях, и только через год нас выдвинули на Ленинскую. Перед самой церемонией (а компания была будь здоров: Твардовский, Рихтер, Пашенная, Сарьян, Чухрай же не пришел — болел) Екатерина Алексеевна Фурцева попросила: "Валентин Иванович, пожалуйста, кратко". "Знаю: благодарю и постараюсь", — ответил я. Коротко поблагодарил и добавил: "Извините за компанию!" Все очень смеялись. Потом в ресторане "Прага" выпивали, и Аджузей, хорошо знавший вкусы Фурцевой, предложил ей спеть "Бублики". Она — Рихтеру: "Подыграйте!" Он начал как-то сложно, с проигрышем. Она никак не могла подладиться и воскликнула: "Рихтер, и за что только тебе премию дали?" Тут я подошел к пианино — а инструмент-то

"Хорошая жена! Что еще нужно, чтобы встретить старость?"

стоял, наверное, еще с купеческих времен... Расстроенный до невозможности — не пианино, а кубометр дров. И я так примитивно, на двух аккордах, сыграл. Она: "Во! Это то, что надо". И вдруг Рихтер, который как-то всерьез и болезненно воспринял реплику, говорит: "А можно я сыграю?.." Сел за это разбитое пианино и выдал такое! Все обалдели.

Гарем — это не бардак!

— С Андреем Кончаловским мы делали "Дворянское гнездо", а потом — "Сибиряда". Он был для меня приятным режиссером, его обожали все бабы и все мужики. После очередных съемок на не-

го, как правило, многие обижались: такой был обходительный, теплый... Я им объяснял, что он не может ухаживать за всеми, со всеми ездить в "Арагви". Точно сказал о нем Алик Липков: он сменил гарем. Другой фильм — другой гарем. Оба брата Михалковы умеют это делать: создавать атмосферу обожания, влюбленности друг в друга. Это и Райзман умел делать, и особенно — Герасимов. Есть такая теория неписаная: режиссер должен быть близок к главной героине, постоянно нашептывать ей на ухо — чтоб она понимала что делать. Пырков, когда снимал Марину Ладину, вторую свою жену и не ахти какую актрису, никак не мог добиться слез. И врезал ей по щеке. Она заревела. А он: "Текст! Текст давай!" А потом: "Видишь, какая ты актриса! Я тебя раскрыв!"

— Значит, когда Кончаловский на "Дворянском гнезде" вдруг влепил Беате Тышкевич пощечину, добиваясь от нее слез в кадре, это было не его открытие?

— Господи, это же как с собакой: если не получается сахаром и лаской — нужно врезать...

Слово "гарем" вызвало у Ежова совершенно конкретные ассоциации. Ведь первоначальный сценарий "Белого солнца пустыни" назывался "Спасите гарем". Ему даже все время обсуждений приходилось объяснять, что "гарем" — это не бардак, а очень строгий институт". Фильм замыслился вместе с Кончаловским: у него из плана вылетела картина про басмачей, и Познер, директор экспериментальной студии, предложил тут же заменить ее другой. Он же и подал идею насчет вестерна: мол, какому-то члену Политбюро очень уж вестерны нравятся. Но всерьез вестернов индустрия, — поэтому Ежова осенило: надо снять... истерик! Герой — красноармеец, а стало быть, ходит не в стенсонах и с кольцом, а в выцветших гимнастерке и кепаре. В знатоки восточного колорита Ежов, преподававший на Высших сценарных курсах, предложил толкового студента Рустама Ибрагимбекова. Тут вдруг Кончаловский "соскочил" с картины — объявил, что влюблен в Машу Мерил и едет во Францию жениться. Нужен режиссер. Трудно после Кончаловского на кого-то решиться.

— Приходит Юра Чулюкин, чистый комедиограф, автор знаменитых "Девчат" и "Неподдающихся". Говорит: "Ребята, у вас все гениально написано, только выкиньте к едрене фене все эти бои! Ну зачем нам бои? Красноармеец и гарем! Я сниму так, что все лягут!" Потом — Витаутас Желаквичус, сама серьезность: "Никто не хотел умирать", "Это сладкое слово — свобода!". "Прочитал ваш сценарий. Оч-чень любопытно. Я бы мог сделать эту картину. Только все, как это... — смехуйки? Ах да, смехученки! Смехученки убрать! А вот го-о-лову, закомпанную в песке..." И мы поняли: сейчас он закопает 20 голов и еще пустит сверху конницу! В итоге мы пригласили Мотыля. В нем удачно соединялось и чувство комического, и трагический такой "инсайд" — взять хотя бы его комедию "Женя, Женечка и "катюша" и ленту про декабристов "Звезда пленительного счастья", ее он как раз тогда собирался снимать, — и это нам очень подходило. Мотыль долго отнекивался, позже он скажет даже, что косящая рука голода заставила его согласиться.

"Вин ему говорит..."

— Когда у меня работа не клеится, вялый сюжет или еще что-то, я вспоминаю своего учителя — Александра Петровича Довженко. Как-то он, разбирая чью-то работу, взял маленькую палочку и давая на стене чертить ломаную линию, приговаривая: "Вин ему говорит, а вин ему отвечает... Вин ему говорит, а вин ему отвечает..." На пятой минуте мы все просто падали от смеха. На десятой притихли. А потом нам

Наталья — муза с обложки журнала.

стало жутко: так продолжалось два часа, пока Александр Петрович не исчертил все четыре стены! Оказалось, что он так иллюстрировал никудашные сценарии — когда нет ни действия, ни сюжета, одни диалоги, как в пьесе. Заходит человек: "Здравствуйте". Ему отвечают: "Здравствуйте". Заходит второй, и опять: "Здравствуйте". — "Здравствуйте". Затем — третий... Он пытался научить нас смотреть на все не приземленно, а с высоких позиций, и закливание: "Вин ему говорит..." — это был момент истины. А мы-то сначала подумали, что он — того-с!

"Что, Миша, тоже "Фиалка"?"

Воспоминания о Барнете значат для Ежова больше, чем любые другие, ведь Борис Васильевич — его герой. Барнет, создатель фильма "Окраина", по мнению Ежова, и есть истинный основоположник неореализма — того самого, к которому много позже пришли итальянцы. И нет ничего более захватывающего, чем слушать рассказы одного мэтра про другого: восхищение другой личностью говорит много о самом рассказчике.

— Барнет был человеком удивительного обаяния и красоты — одних официальных жен у него было семь. Однажды в Киеве мы пришли с ним в дом, где за столом собралось человек 25, масса красивых женщин. Барнет встал в дверях, окинул взглядом гостиную и сказал: "Все меня любили!" Так вот, от этого светского льва вдруг уходит жена, актриса Кузьмина. Уходит к Ромму, человеку довольно щуплому и далеко не красавцу. Барнет был так поражен, что поехал разбираться. А Ромм тогда снимал в пустыне свою картину "13" и ввел в группе сухой закон. Приезжает Барнет, ищет. Естественно, выпить — хоть шаром покати! Ни у осветителей, ни у кого... Наконец кто-то достал ему одеколон. А в это время Михаилу Ильичу уже доложили: надвигается Барнет. Тот занервничал, стал ходить по своей огромной, как у командарма, палатке и решил, что, наверное, нужно выпить — вдруг поможет. Знал, что спиртного не достать, и махнул одеколона. Тут палаточная щель раздвигается, появляется голова Барнета. Тянет ноздрями воздух и участливо спрашивает: "Что, Миша, тоже "Фиалка"?..". После чего просто исчезает, даже не входя. Если уж сам Ромм дошел до одеколона!..

В павильоне Киевской киностудии, наверное, самом большом в Европе — семь громадных танков "КВ" стояли, как маленькие черепашки, — собирались праздновать 350-летие воссоединения Украины с Россией. Кругом снопы, подсолнухи, кулачковые полотнища, румяные девушки в красных сапожках отплетают гопак... Высокое начальство — секретари ЦК, председатели правительства со свитой... И какой-то фокусник подходит к зампреду Совмина. Просит носовой платок, что-то там у него с сигаретой, и нечаянно платок прожигает. Повисает неловкая пауза, фокусник смущен, извиняется: "Фокус не удался..." Чиновник в гробовой тишине, злое: "Не умеешь — не берись. Кто тебя прислал? Вещь испортил". Пауза длится до неприличия долго, чиновник не унимается. И тут вскакивает Барнет: "Позвольте, и я покажу фокус!" Засучивает рукава, снимает дорожные, как автомобиль "ЗИМ", золотые швейцарские часы "Лонжин". Кладет их на пол и... со всей силы как даст по ним каблуком. Часы — вдребезги! "Ах, — говорит, — извините, фокус не удался!" Шквал аплодисментов, смех!

"А и побежишь, он же — танк!"

Валентин Иванович сокрушается, как страшно похудела его записная книжка, какие люди ушли. Барнет однажды сказал ему, что если хотя бы одному человеку ты нужен, хоть одна ниточка тебя держит, то кощунственно добровольно уходить. А сам в Риге наложил на себя руки в гостиничном номере — значит, все его нити оборвались?.. Недавно Барнету исполнилось бы 100 лет, и Ежов позвонил на телевидение: мол, надо бы вспомнить "Барнет?.." — не поняли там и даже удивились предложению.

— А ведь именно он сделал Крючкова, Свердловна, Кузьмину... Снял "Подвиг разведчика" и сам там сыграл немецкого генерала, который впервые не был полным немцем... Как коротка людская память!..

...Как-то Валентин Иванович позвонил мне, среди ночи: "Я вспомнил! Того Героя Советского Союза, фронтового корреспондента "Правды", — Борзенко!" Накануне он рассказывал, как во время закрытого обсуждения командным составом "Баллады о солдате" один штабной полковник с трибуны кричал: "Да это же нож в спину нашей армии — солдат бежит от немецкого танка, как последний трус!" А Борзенко, которому случалось самому с пехотой от офицеров отступать, из зала крикнул: "А и побежишь, он же — танк!"

Ежов — человек поздний, ближе к полуночи у него самый кураж. Представила, как он сидит у себя на уютной кухне под огромным тряпичным абажуром, курит одну за другой сигареты с угольным фильтром и размышляет. Это для него самое интересное... "Целую в глазки", — сказал он, прощаясь. И мой сон прошел окончательно.